

Об этом уже и не мечталось. Слухи о его долгожданном «пришествии» повергли в благоговейный трепет, бросили поклонников в пучину телефонных звонков. Ведь не каждый день, даже не каждый год — в Москве с сольной программой (всего два концерта) на сцене Театра эстрады — мэтр, корифей, мастодонт и просто заслуженный деятель искусств России **Юрий Антонов**.

ребирал клавиши компьютера, напевая в микрофон прерванную песню, улыбался и обещал, что «гитару — в другой раз». Между делом композитор сообщил, что выпустил уже пять компакт-дисков, куда вошли песни и старые, и новые, и в настоящее время записывает шестой, с музыкальной и песенной для кинофильмов, который обещает закончить через месяц. Никаким современным мэтр душу поклонников не смутит, и опасения по поводу отхода от традиций были напрасны. Народ узнавал песни с первых тактов и, узнавая, еще больше

Говорить «Прощай!»

никто и не думал

Вот Москва — 1994. — 11 ноября. — С. 5

По Антонову соскучились. Не по его песням: песни звучали и звучат, их любят передавать по радио, а три компакт-диска и кассеты в магазинах уже и не найти. Соскучились по Антонову лично.

Желающих пообщаться оказалось немало. Стоковавшаяся публика, организовав очередь в фойе, с энтузиазмом распала кассеты и плакаты обожаемого певца. Знаменитостей ни в буфетах, ни в фойе не наблюдалось. Народ вокруг был простой, разновозрастный, принаряженный и, с первого взгляда, свой какой-то. Ни пресловутых малиновых пиджаков, ни бритых надменных затылков, ни радиотелефонов. Может быть, поэтому и создавалась атмосфера общности и дружелюбия. На удивление много было детей. Для воспитания хорошего вкуса? Впрочем, объяснений билетеры не требовали.

Появившись на сцене под одобрительный гул и нестройные аплодисменты, кумир заявил, что хотел бы, чтобы к концерту отнеслись, как к творческой встрече с композитором Антоновым. И он попал в точку. Именно на встречу и шли. Антонов был энергичен, общителен, улыбчив, несколько ироничен, и зал завелся с полоборота. Хотя, наверное, даже если бы он просто присутствовал на сцене под звуки собственной фонограммы — этого уже было бы достаточно, чтобы публика рукоплескала. Но композитор еще и пел, причем «минус один» (вживую). И когда случилось что-то там со звуком, зал искренне, непосредственно запереживал. Кто-то ободрающе хлопал, кто-то, пользуясь моментом, под предлогом и прикрытием цветов приобщался к звездной руке, а то и щеке. И с разных сторон раздавалось: «Юра! Возьми гитару!». Антонов пе-

оживлялся.

По-видимому, с личными переживаниями-воспоминаниями многие антоновские песни связаны не только для автора. Хороших песен в разные времена и у разных авторов было немало. Но многие из них потерялись, забылись, а антоновские почему-то нет. Что-то в них есть такое — непафосное, негромкое, но задевающее. И зал вновь гулял по Абрикосовой, пропадал в переулочках Арбата. И, наверное, не было такой представительницы слабого пола, которой в какой-то момент не показалось бы, что песня написана и исполняется исключительно для нее. Зал благодарно и в меру бесчинствовал, зал не хотел отпускать певца, просил исполнить «на бис», дарил цветы и, конечно, грустил о «стране чудес».

Расставались тепло, почти по-родственному. Особо ретивые из поклонников норовили заполучить автограф. Антонову все же пришлось спеть «на бис». Он покинул сцену усталый, но, судя по всему, вполне удовлетворенный. После концерта очередь в фойе за антоновскими кассетами заметно удлинилась, а на выходе из театра возле машины певца, очевидно, в дежурном режиме покуривала стайка, с позволения сказать, нимфеток. Как в старые добрые времена!

Свою программу Юрий Антонов назвал «Не говорите мне «Прощай!». Такое название наверняка могло задеть наиболее ранимых поклонников. Наверное, по реакции публики композитор смог и сам догадаться, что на покой — рановато. И уж, конечно, зал не думал говорить «прощай». Зрители говорили «спасибо» и «до новых встреч!».

Услышал ли это Антонов?

